

Пережитые абстракции

Виктор (если вам хочется представить себе мизансцену — *сидя на скамейке*). «Мир Исаака Ньютона, который 300 лет стоял несокрушимой твердыней современной цивилизации, рухнул, как иерихонские стены, перед критической мыслью Эйнштейна». «Мир, поддававшийся исчислению, оказался без меры и числа...». «И вот я, стоящий здесь перед вами, падаю в пропасть, вниз, вниз, вниз...»

Николай. Что это?

Виктор. «Слишком верно, чтобы быть хорошим». Шоу.

Николай. Я думаю, что это не слишком верно, хотя, может быть, и хорошо сказано. Мир Ньютона был удобен и приятен только для человека, жующего абстракции, как хлеб. Льву Толстому этот мир — со всеми усовершенствованиями XIX века — казался невыносимым. У меня в руках «Анна Каренина». Позволь, одну минуту, я отвечу тебе цитатой на цитату: «Он ужаснулся не столько смерти, сколько жизни без малейшего знания о том, откуда, для чего, зачем и что оно такое. Организм, разрушение его, неистребимость материи, закон сохранения силы, развитие — были те слова, которые заменили ему прежнюю веру. Слова эти и связанные с ними понятия были очень хороши для умственных целей; но для жизни они ничего не давали, и Левин вдруг почувствовал себя в положении человека, который променял бы теплую шубу на кисейную одежду и который первый раз на морозе, несомненно, не рассуждениями, а всем существом своим убедился бы, что он все равно что голый и что он неминуемо должен мучительно погибнуть».

То, что для Шоу — «несокрушимая твердыня современной цивилизации», для Толстого — кисейная одежда, в которой душа неминуемо должна замерзнуть. И Лев Толстой был бы, наверное, очень рад, узнав, что твердыня рационализма — она же кисейная шуба — треснула от воротника до подола. Может быть, Эйнштейн, с психологической точки зрения, просто выполнял

задачу, бессознательно усвоенную при чтении Толстого или Достоевского.

Евгений. А может быть, Эйнштейн не читал Толстого и Достоевского?

Николай. «Братья Карамазовы» Эйнштейн называл своей любимой книгой. Я, конечно, понимаю, что опыт Майкельсона и неевклидова геометрия имели более непосредственное отношение к делу; но кто знает пути бессознательного в душе величайшего рационалиста XX века?

Евгений. А какие глаза он любил, голубые или карие? Может быть, склонность к теории относительности вытекала из любви к неопределенному выражению глаз?

Николай. Насчет глаз я, к сожалению, ничего не могу сказать.

Виктор. Как жаль! Очень было бы интересно.

Николай. Но, кроме шуток, я думаю, что абстрактные идеи переживаются иногда так же сильно, как голубые и карие глаза. Когда мне было шестнадцать лет, я очень был ушиблен тем, что существует бесконечность.

Евгений. Не понравился значок повернутой набок восьмерки?

Николай. Нет, математическая бесконечность меня совершенно не волновала. Это было просто одно из значений тангенса и тому подобное и так же мало затрагивало за живое, как сумма углов треугольника и прочие Пифагоровы штаны. Но я прочитал, кажется, в это время «Материализм и эмпириокритицизм».

Виктор. Гм!

Николай. Да, я очень любил в пятнадцать-шестнадцать лет читать Ленина. Мне нравился его стиль. Я не читал ничего лучшего о революции и считал Ленина (именно его, а не Горького) лучшим стилистом XX века.

Виктор. В особенности «Материализм и эмпириокритицизм?»

Николай. Нет, эстетически мне нравились «Что делать», «Две тактики» и тому подобное. Но шаг за шагом я дошел и до «Эмпириокритицизма». И там я натолкнулся на фразу о бесконечности природы во всех своих проявлениях, в том числе и в электро-не. Тут и Брюсов кстати под руку попался — с его электронами, в которых пирамиды и память сорока веков. Я стал представлять себе вселенную как игрушечную матрешку, в которую вложена другая матрешка и так далее, в электро-не — вселенная, в электро-не-прим — вселенная-прим и т.д. Но в связи с этим я задумался вообще о бесконечном, и оно меня очень испугало. Я почувствовал, что если бесконечность есть, то меня нет.

Виктор. Это похоже на персонажей «Бесов»: «Если Бога нет, то какой же я капитан?»

Николай. Да, возможно, слова капитана Достоевского надо понимать в таком же роде — скорее как онтологическое, чем социологическое высказывание. Но в то время я не читал еще «Бесов». Мое философское образование целиком ограничивалось Лениным и Энгельсом. И все же я очень ясно чувствовал: если бесконечность есть, то меня нет. Хотя в такой сжатой фразе, кажется, я не решался высказать свое чувство. Тем не менее меня охватила робкая надежда: быть может, я сумею когда-нибудь опровергнуть бесконечность?

Виктор. Как это — опровергнуть?

Николай. Вот именно — как? И что начинается там, где кончается пространство и время? Мне ничего не приходило в голову. В конце концов я пришел к выводу, что речь шла не вообще о бесконечности; бесконечность духа или «бесконечное развитие богатства человеческой природы как самоцель» (если воспользоваться словами Маркса в заметке о Рикардо), не испортили мне настроения. Неприятна была только бесконечность пространства и времени.

Евгений. И вы ее опровергли?

Николай. Это сделал Эйнштейн: согласно теории относительности наш континуум пространства и времени конечен.

Виктор. Мне кажется, это надо понимать в таком смысле, что наши формы пространства и времени конечны и ограничены. Но за их пределами — другие формы пространства и времени...

Николай. А почему не принять гипотезу, высказанную в Апокалипсисе, что «времени больше не будет»?

Евгений. «Не будет» — это уже время. Будущее. Форма предположения опровергает его содержание. Видимо, мистические видения нельзя высказывать, не разрушая логической структуры предложения.

Виктор. Тем хуже для предложения и его логической структуры!

Николай. Я готов был бы оставить в стороне иронию, которую ты вкладываешь в эти слова, и принять их буквально. В конце концов логика — еще не все. Можно жить и без логики.

Виктор. И мыслить?

Николай. И мыслить: баба мыслит, хотя и плохо, когда говорит: «Во-первых, я этого корыта не брала; во-вторых, я его тебе вернула целым; в-третьих, оно всегда было разбито».

Виктор. Да, и это очень убедительно.

Николай. При некоторых условиях — да. Библия, Еванге-

лие, сочинения Отцов Церкви полны противоречий; тем не менее они убеждали и убеждают сейчас, две тысячи лет спустя, несколько сот миллионов людей — вопреки всем стараниям Вольтера, Бюхнера и Емельяна Ярославского. И я не уверен, что Библия выиграла бы, если б ее переписали по всем правилам Аристотеля или Витгенштейна. Логика — лучшее средство убеждения только у классной доски на уроке математики. Но мне нет необходимости вступать в спор о достоинствах логики. По-моему, внутренний голос так же может быть ясно, непротиворечиво высказан, как голос пяти внешних чувств, если «шестое чувство» достаточно хорошо проанализировано. Автор Апокалипсиса не стремился к этому, потому что не обращался к ученым. Если вы не понимаете его языка, — извольте, я переведу. Речь идет о том, что пространство и время, возможно, формы только нашего мирка, а за ними — что-то другое, совершенно другое, никак не похожее.

Евгений. Где за ними? Или когда? «За» — предполагает пространство или время.

Николай. «За» в данной связи означает чисто логическую последовательность; ей может соответствовать все, что угодно.

Виктор. А почему ты не пошел по другому пути и не ухватился за субъективность пространства и времени, как это понимал Кант?

Николай. Вероятно, потому, что я был слишком материалистически воспитан. Я верил в реальность физического мира, и мне нужны были для моего внутреннего мира какие-то внешние, объективные подпорки. Я вернулся к этому года через четыре, уже в институте, лет двадцати.

Евгений. Прочитали какую-нибудь новую книгу?

Николай. Нет. Меня заедала тогда потребность оправдаться, что я выбрал литературный факультет. Собственно говоря, выбрал я философию и, следовательно, мог иметь дело с общими выводами всех наук. Но потом философский факультет закрыли. Я мог пойти на любой другой — например, стать физиком. Но я этого не сделал, потому что хотел учиться быть человеком, а не специалистом того или другого. Я чувствовал, что мне надо еще учиться быть человеком. Поэтому мне нужен был литературный факультет.

Евгений. По-моему, литературный факультет скорее способен развить безличность, чем личность; меня он лишил всякого понимания «истины, добра и красоты».

Николай. Дело не в лекциях, а в самих предметах. Я думаю, что каждая личность — это особый подход к вечным

проблемам «истины, добра и красоты». Безличность — отсутствие самостоятельного подхода, существование прицепа, нуля после единицы. У некоторых людей стихийно складывается свое, иногда ни на кого другого не похожее лицо. Для «рефлексирующей натуры» вроде меня нужно найти свое лицо в книгах.

Виктор. Это можно понять, но при чем здесь пространство и время?

Николай. Мне не хотелось думать, что интерес к гуманитарным проблемам был моей личной слабостью, не хотелось думать, что решающие проблемы действительности — это проблемы физики, химии (или, наконец, экономики), а то, что волнует меня, — для вселенной и для человечества не больше чем десерт после обеда. Поэтому надо было доказать, что человек — главное лицо в мировом спектакле. И тут мне пришел на память первый тезис Маркса о Фейербахе: «Главный недостаток всего предшествующего материализма заключается в том, что действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно. Отсюда и произошло, что деятельная сторона, в противоположность материализму, развилась идеализмом...» Прямой грамматический смысл этих слов в том, что человек — творец мира, что он — при полном развитии своих сил — играет в природе роль, которую верующие приписывают Богу.

Виктор. Это значило бы только, что Маркс в первом тезисе еще следует за Фейербахом. Человек как сущность религии — это точка зрения Фейербаха.

Николай. Не совсем. Фейербах не приписывает человечеству космических творческих сил.

Виктор. И Маркс этого не делает.

Николай. В первом тезисе — делает, хотя и в абстрактных выражениях, но он, по-видимому, понял невозможность доказать тезис и не возвращался к нему. А я решил попробовать.

Виктор. В двадцать лет многие пробуют такие вещи.

Николай. Первое препятствие было чисто количественное: надо было уравновесить бесчисленность солнц и галактик, пространств, которые свет пробегает тысячи лет, и так далее.

Виктор. Почему тебя не удовлетворила формула Паскаля? «Человек — тростник... Но этот тростник мыслит...»

Николай. За формулой Паскаля скрывается шкала ценностей, на которой дух стоит не ниже материи, сколько бы ее ни было. Ты мог бы вспомнить и Канта.

Евгений. Что именно?

Виктор. Две вещи больше всего изумляли Канта: звездное небо над головой и нравственный закон в человеческой груди.

Евгений. Например, коменданта Освенцима...

Николай. Освенцима еще не было в 1938 году, когда я размышлял; но монистический взгляд на историю приучил меня не ставить вторичного выше первичного и даже рядом с ним; в моей тогдашней шкале явления ценились по их физической мощи. Поэтому мне нужно было поставить человека как космическое явление по крайней мере рядом со звездами, а по возможности и выше.

Виктор. Но это бред сивой кобылы.

Николай. Ничуть. По крайней мере ты должен будешь согласиться, что в моем безумии была своя система. Чтобы разоблачить дурную бесконечность — прошу извинения за гегелевский термин, он подходит к случаю, — я должен был оживить ее в сознании. И я снял запрет, которого держался четыре года, и начал вспоминать «звездный ужас», испытанный раньше, ужас перед ситуацией единицы, деленной на бесконечность. Если бесконечность есть, то меня нет; нет всего моего мира: земли, стен, оранжевого абажура над столом. Я вошел в это настроение настолько, что абажур несколько раз расплывался в моих глазах.

Виктор. Что за выверт! И все это только для того, чтобы преодолеть свой комплекс неполноценности перед инженером! Извини меня, но это мазохизм!

Николай. Я забыл привести вторую причину. В те же годы меня ушибло стихотворение Тютчева, написанное по дороге во Вщиж:

*Природа знать не знает о былом,
Ей чужды наши призрачные годы,
И перед ней мы смутно сознаем
Себя самих — лишь грезю природы.
Поочередно всех своих детей,
Свершающих свой подвиг бесполезный,
Она равно приветствует своей
Всепоглощающей и миротворной бездной.*

К этому прибавились страницы из «Анны Карениной», которые я сегодня читал вам, из «Записок сумасшедшего» (Толстого, а не Гоголя!), кое-что из Достоевского (машина, перемалывающая самое дорогое человеческое существо, — из «Идиота»). Толстой, Достоевский, Тютчев видели выход только в отрицании материализма, науки, в попытке верить:

*... Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть.*

Виктор. А ты решил доказать, что «предшествующий материализм» может быть снят материализмом диалектическим, который является «реальным гуманизмом и логической основой коммунизма»?

Николай. Совершенно верно. Я должен был доказать, что «воспитателя воспитывают» не только в смысле экономических «объективных причин», но и в смысле природы в целом, вселенной. Для этого я прежде всего поделил бесконечность на бесконечность; в итоге получается неопределенность, любое, но конечное число.

Виктор. В каком смысле это надо понимать?

Николай. Вспомни моих матрешек. Если нет предела исчезающе малым дроблениям материи, то в любом нашем плевке содержится бесконечность, перед которой мы падаем во прах, глядя в небо. Человек ровно настолько же песчинка, насколько и макрокосмос. Словом, всем предметам возвращается их натуральная величина. То же со временем. Выражение «что это значит сравнительно с вечностью!» теряет свой смысл: в микровселенных за один миг нашей жизни сменяются мириады цивилизаций.

Виктор. Но без какой бы то ни было связи с нашей жизнью. Если даже допустить, что в электронах живут маленькие человечки — а это решительно противоречит современной физике, — то все же несомненно, что мы никак не влияем на их существование.

Николай. Не скажи. Если в нашем брюхе — целая вселенная, то процесс пищеварения как-то отражается на ней.

Евгений. Разве только разрушительно.

Николай. Хотя бы, но дух разрушающий есть дух созидающий.

Евгений. И наоборот.

Николай. И наоборот. Важно поддержание общего процесса становления. Важно то, что человек при таком взгляде на вещи становится необходимым звеном в цепи физических, химических и тому подобных превращений. И если бы все мыслящие существа забастовали и сложили руки на животе, вселенная прекратилась бы; этого не происходит только потому, что мыслящие существа хотят бытия вселенной!

Виктор. Фантастическая картина!

Николай. Впоследствии я подобрал некоторые аргументы у Шредингера. Вы знаете, что все формы движения материи, кро-

ме жизни, стремятся к минимуму, к чему-то вроде тепловой смерти. А все живое, напротив, стремится к расширению своего бытия. Шредингер, если я не путаю, называл жизнь отрицательной энтропией.

Евгений. Сейчас отрицательной энтропией, кажется, называют информацию.

Николай. Теория информации тоже может быть пущена на мою мельницу. Человек — существо в высшей степени способное сосредоточивать в себе информацию, то есть начало, противостоящее энтропии и уравнивающее ее... Но дело не в тех или иных аргументах, выхваченных из арсенала современной науки.

Виктор. Именно выхваченных. Наука убедительно говорит, что звезды и галактики превосходно существуют без человеческой помощи.

Николай. Да, пока. Но возможно, что когда-нибудь мы будем переделывать галактики...

Виктор. И создадим большое оцепление, охватывающее весь континуум пространства и времени, а Туманность Андромеды превратим в штрафную — для таких философов, как ты.

Николай. Нет ничего невозможного. Но главное — отвлечься от всего нашего континуума, стать мысленно по ту сторону его, представить себе, как мы своей деятельностью — хотя и не видя конечных результатов ее — приводим в движение цепи причин, переворачивающих мириады микровселенных, по отношению к которым мы велики и могущественны. Какая тогда открывается картина! Нам принадлежит роль, приписанная демиургам, творцам миров. Но, как боги греков, мы не всеведущи и не всемогущи. Внося в мир движение, мы поддерживаем существование не только космоса, но и хаоса, который раньше или позже поглотит космос — и наш, и всякий другой. «Вселенная порождает мыслящий дух в одном месте так же неизбежно, как уничтожает его в другом». А мыслящий дух, сознательно участвуя в этой трагической игре, принимает на себя ответственность за вечный круговорот. В этом есть красота, которая не требует объяснений.

*Пускай олимпийцы завистливым оком
Глядят на борьбу непреклонных сердец.
Кто, ратуя, пал, побежденный лишь роком,
Тот вырвал из рук их победный венец!*

Ф. Тютчев

Евгений. По-моему, если вам хотелось верить в бога — греческого, христианского или какого-нибудь еще, — так и верили

бы; и в бессмертие души, и в загробное блаженство. Это по крайней мере утешительнее вашей картины. А с действительностью она имеет немногим больше общего.

Николай. Мир, освоенный наукой, я не трогал, признавая его на самом деле таким, каким его сущность описывали научные теории. Я просто уходил на земли, по которым еще не ступала (и, как мне кажется, не могла ступить) нога ярыжек царства науки. На этом основании я считал себя в ладу с тем, чему меня учили.

Виктор. Очень хорошо. Но почему не поместить там Господа Бога? Правда, этого не может быть, но зато как дешево!

Николай. В том-то и дело, что для нашего поколения на Боге лежал отпечаток того, что «не может быть». Пусть это хорошо и прекрасно, но наука доказала, что души не существует, что печенка, кости, сало — вот что душу образует.

*Есть лишь только сочлененья
И затем соединенья.
Против выводов науки
Невозможно устоять!*

Н. Олейников

К тому же я прочитал «Братьев Карамазовых» и знал, что идея всеильного Бога приводит к таким же противоречиям, как и идея всеильной материи. Если же Бог не всеилен, вроде Зевса, то, право же, таким Богом человек вполне способен себя самого вообразить и, больше того, таким он может стать. Я это думаю и сейчас.

Виктор. Масштабы деятельности олимпийцев — запрудить речку, послать чуму и тому подобное — пожалуй, действительно не превосходят современных военных инженеров или биологов. Но надо обладать наивностью греков, чтобы видеть в выходках Зевса или Аполлона что-то возвышенное. Или тебе кажется прекрасным — золотым дождем спуститься к Данае, похитить Европу и тому подобное? Всякий современный бык или козел может совершить такие подвиги. Но согласись, что труд ученого в своем кабинете — более достойное человека занятие. И только человека; Бог, занимающийся математическими выкладками, был бы смешон. Словом, оставим Богу Богово!

Николай. Я с этим не спорю, я именно хотел сказать, что все зависит от человека и над ним нет не только Бога, но и материи.

Евгений. Материя исчезла, остался только гуманизм.

Николай. Нет, не исчезла, как и Бог не исчез из мира: как

идея и образ в человеческом сознании Он продолжает существовать.

Евгений. Зачем?

Николай. Это моральная проблема, и сейчас ее нехоти затрагивать. И материя существует, поскольку мы, сознательные существа, не отказались участвовать в ее круговороте.

Виктор. Позволь, позволь. Если это научная идея, то где доказательство в ее пользу? А если религиозная, то где тот Синай, на который она спустилась к нам в сиянии молний и реве громов? В метафизике можно болтать всякую чепуху, но зачем?

Николай. Это идея не научная, но и не религиозная: она не противоречит науке, но относится к области метафизики. Метафизические идеи не доказываются. Это предположения, которые принимаются, если из них вытекают интересные выводы, — как аксиомы, которые сами по себе не подлежат верификации, но следствия которых могут быть истинными в одной какой-то области (и ложными — в другой). Я не утверждаю, что мое предположение облегчает работу физика; возможно, это гипотеза, которая ему никогда не пригодится — как Лапласу ни к чему был Бог. Но физик тоже человек, и он, как Паскаль, может испытать «звездный ужас». Тогда ему остается сойти с ума, поверить в Бога или строить философские теории, может быть, лучше моих, а может быть, хуже.

Виктор. Иначе говоря, ты приписываешь своему мифу психотерапевтическое действие. Но это очень индивидуально. Меня он не убеждает и не согревает.

Евгений. И меня тоже.

Виктор. Больше того, я убежден, что и тебя он удовлетворял, как новая игрушка, пока не надоел. Удовлетворял, может быть, сам процесс творчества. И если бы ты строил научную теорию на основе хорошо изученных данных, это тебя не меньше удовлетворяло бы. А пользы было бы больше.

Николай. Отчасти ты прав, отчасти ошибаешься. Ошибаешься, думая, что меня удовлетворила бы всякая теория. Любая умственная работа меня занимает и развлекает, как и тебя...

Виктор. И удовлетворяет, если это не пустая игра категориями.

Николай. И удовлетворяет, но по-разному. Я не буду в это углубляться, скажу только, что некоторые мысли имеют поэтическое достоинство и нужны, как хорошие стихи.

Виктор. Признаться, мне даже хорошие стихи не очень нужны; но оставим поэту поэтов. Читай стихи, сочиняй стихи, если хочешь. А в научной работе поэзия ни к чему.

Николай. Моя работа была всего-навсего попыткой пере-сказать прозой впечатление от хороших стихов. В истории философии это бывает не так редко. Например, Ригведа-веданта... Но не будем в это углубляться. Хочу тебя обрадовать второй частью своего высказывания — о том, в чем ты прав.

Виктор. Я думаю, я прав на все сто процентов.

Николай. Но я признаю только пятьдесят процентов: концепция человека-демиурга в том виде, как я ее изложил, удовлетворяла меня, по-видимому, не всегда. Во всяком случае, рядом с ней из звездного ужаса родилась другая. Я оказался перед двумя рабочими гипотезами, не связанными друг с другом, не очень нуждавшимися, как мне казалось, друг в друге и удовлетворявшими внутреннее чувство каждая порознь. Это несколько подорвало значение каждой из них.

Виктор. Ну, что делать. Одна лошадь кончилась, давай теперь вторую!

Николай. Второй лошадию было представление о ступенчатости границ личности.

Виктор. То есть ты перенес в антропологию и отнологию физическое представление об отсутствии четкой границы между частицей и полем?

Николай. Совершенно верно. Я начал с того, что наше сознание, хотя орган его — мозг — помещается в черепной коробке, не считает себя сознанием одного черепа. Напротив, положение каждого пальца входит в мое «я». И если пойти дальше...

Виктор. Заметь, что пальцы некоторым образом связаны с мозгом — нервами, кровеносными сосудами; а эта скамейка, хотя ты прислоняешься к ее спинке головой, никак не связана ни с мозгом, ни с телом вообще; если ее сжечь, не почувствуешь боли.

Николай. Да, если сожгут одну скамейку, а не все вокруг, и именно скамейку. Если будут жечь мою любимую картину, то я, может быть, суну в огонь руку, чтобы вытащить ее... А в крайнем случае — брошусь в огонь головой.

Евгений. Ну, так уж и бросился бы!

Николай. Допустим, я бы струсил. Но люди бросались.

Виктор. Фанатики.

Николай. Не все люди, которые пошли на костер, способны жечь других. Ты считаешь Яна Гуса фанатиком?

Виктор. Не знаю, может быть.

Николай. А Джордано Бруно?

Евгений. Виктор предпочитает Галилея. Разумный человек всегда предпочтет отречься.

Виктор. Да, я предпочитаю Галилея, который своими открытиями сделал в тысячу раз больше, чем Бруно. К тому же Бруно вовсе не взшел на костер по доброй воле — его втащили. И мне искренне жаль его, но я не люблю, когда создается культ мученичества.

Николай. А если мученичества нельзя избежать? Если надо заведомо пожертвовать собой, чтобы спасти других, дело, принцип? Вообще что угодно, если оно стало ближе тебе, чем собственные руки, ноги, сердце, голова?'

Виктор. Я думаю, человек во время так называемых подвигов всегда надеется на чудо. Самоотверженный заяц, как ты понимаешь, рассчитывал на великодушие волка. Я не верю, что нормальный человек может пожелать своей смерти. Разве только фанатик; но он верит в вечное блаженство. Между представлениями о смерти и рае у него образуется условнорефлекторная связь. Павлов однажды показывал Кеннону собаку, которая облизывалась от удовольствия, когда ее пытали током. Кеннон сказал: «Я понимаю теперь психологию христианских мучеников».

Николай. И Павлов ему возразил, что не надо делать поспешных обобщений. Конечно, все мы по-своему лошади; каждый из нас по-своему лошадь. Но конюшня или собачья конура — не лучшая точка зрения на человеческие дела, не исчерпывающая.

Виктор. Боюсь, что основное не меняется...

Николай. Оставим это под подозрением. Возьмем другой пример. Даже когда ты не обедаешь, чтобы окончить книгу, ты жертвуешь телом ради души.

Виктор. Ничуть! Я просто отказываюсь от одного удовольствия ради другого.

Николай. Я готов условно принять твои термины, хотя они эстетически меня не удовлетворяют. Вопрос в том, почему одним людям доставляют удовольствие только физические ощущения — например, почесывание пяток, а другим — хотя они могут быть большими любителями поесть, выпить и так далее — еще большее удовольствие доставляет читать и писать книги, видеть или рисовать картины, наконец — помогать хорошим людям? Почему у одних людей «я» (это термин, признанный психологией, — не душа, которую ты не любишь) — узкое, как щель, только гривенники туда вталкивать, а у других — немного попросторнее? Почему одни хотят конституции, а другие — только севрюжины с хреном? Согласись, что «я», сознание, душа может быть пошире и поуже.

Виктор. С этим никто не спорит.

Николай. Но если так, почему не предположить, что «я» человека в своем развитии может охватить всю вселенную? Что человеческий мозг — центр не только тела, но и всего окружающего мира? Что в каждом мыслящем существе приходит к сознанию и самосознанию вселенная в целом?

Евгений. То есть вы хотите сказать, что ваш мозг некоторым образом — выразитель этой скамейки, а скамейка некоторым образом выражает себя в вашем мозгу?

Николай. Да, некоторым образом это так. Помните, как комната Раскольниковова давила на его мысли, как она их направляла и подталкивала? Вещи имеют свой характер, и мы их выражаем, когда свыкаемся с ними. К сожалению, современные дома, мебель, утварь имеют по большей части дурной характер, или, вернее, они безличны и в то же время с дурными наклонностями. И это очень отражается на нас.

Виктор. То есть среда влияет на людей; это давно известно. Но каким образом на тебя может повлиять Туманность Андромеды?

Николай. Дело не во влиянии, а в чувстве связи. Если «я» изолировано от мира, то оно теряется в бесконечности. Если оно связано с миром, то бесконечность — это моя собственная бесконечность.

Евгений. К сожалению, я не чувствую никакой связи с Туманностью Андромеды.

Николай. Очень жаль.

Виктор. Никто не имеет связи со звездами; но не все имеют мужество признаться в этом. Поэты воображают, что звезды кокетничают с ними; а ученые знают, что это — скопления раскаленной материи.

Николай. Уверяю тебя, что поэты не совсем не правы.

Виктор. Нет уж, поэзия мне друг, но истина дороже.

Николай. Истина, добро и красота — а следовательно, поэзия — не так уж далеки друг от друга.

Виктор. Это тоже поэтический миф.

Николай. Ничуть. Тебе кажется, что ты стоишь на строго научных позициях. На самом деле у тебя старые-престарые демокритовские представления об отношении отдельного предмета, вещи (в данном случае — человека) к целому, миру. Целое вообще выкинуто. Атомы вертятся в пустоте. Атом с атомом никак не связан. По-моему, это как раз и является мифом. Мифом древнегреческого индивидуализма, распространенным на природу.

Виктор. Оказавшимся очень плодотворным для развития

науки в отличие от мифов Платона. Не лучше ли поэтому говорить о научном упрощении, научной теории?

Николай. Если угодно. Но к чему наука пришла? Говорят о триумфе атомизма. Это триумф куколки, из которой вывелась бабочка. Были накоплены факты, взорвавшие схему. Остались слова — атом, вакуум; но атом теоретически и практически перестал быть атомом, неделимым, а пустота — пустотой. Понятие атома интерпретируется в современной науке так же свободно, так же далеко от первоначального значения, как понятие семи дней творенья в теологии иезуитов.

Евгений. Какой же миф создала твоя интуиция взамен?

Николай. Не только моя. Впоследствии я нашел идею «взаимной поддержки» у малоизвестного и, надо признаться, склонного к чрезмерной свободе фантазии философа Гурджиева¹

Виктор. Я думаю, если покопаться, то все идеи были когда-то высказаны. То, что кажется новым в философии, всегда только перевод старой метафизической рухляди на современный язык. Возможно, твоими предшественниками были уже Конфуций или Лаоцзы.

Николай. Очень может быть. Но раньше можно было думать и так и сяк, а сейчас и наше знание природы, и наше знание общества, и наше знание самих себя в таком состоянии, что нельзя больше безусловно противопоставлять предмет его отношениям с другими предметами. Понятие устойчивости надо отделить от понятия изолированности, обособленности. Двадцать человек, расположившись в кружок, могут усестись на колени друг к другу, и положение каждого будет устойчивым. Можно мысленно выделить каждого и описать его как устойчиво сидящего; но на самом деле все опираются друг на друга. И так обстоит дело со всеми предметами, вещами, фактами в нашем континууме пространства-времени и с самим нашим континуумом; все существует лишь благодаря опоре на другое. Все вечное — лишь совокупность отношений с другими вещами. Уничтожьте целое — и исчезнут части; вне целого нет и частей, как нет рук, ног, ушей, отрезанных от организма: остается инерция формы, но и она быстро исчезает. Мир надо мыслить не как машину, составленную из самостоятельных частей, а как организм. В этом отношении у меня тоже много предшественников.

Виктор. Неудивительно: все предрассудки устойчивы. Но, может быть, ты позволишь почтительно заметить твоей философской интуиции, что примеры, которыми она пользуется, противоречат друг другу. Группа людей, сидящих на коленях друг у друга, — скорее машина, агрегат, чем организм.

Николай. Я это понимаю; но примеры — это откровенная метафора; ни одну метафору нельзя вполне реализовать. Иначе получится не «Песнь песней», а пародия на нее, написанная Сашей Черным. Метафора, пример только намекают на то, что невозможно или трудно строго высказать.

Виктор. Допустим. Но организм — это довольно строго определенное понятие, и современные ученые не противопоставляют его машине. Кибернетика рассматривает организм как частный случай машины — и не только определяет, но и доказывает это своими электронными машинами, шахматистами и так далее.

Николай. В этом нет ничего нового со времен Декарта и Паскаля. Научные определения основаны обычно на суженном понимании сущности явления. То, что в известном отношении становится главным, важнейшим, существенным, признается безоговорочно сущностью, и в данной науке такое упрощение оправданно. Для авиаконструктора существенное в птице то, — что она летает. Для конструктора инкубатора — то, что она высиживает яйца. Кибернетика создает более сложные машины — такие, которые способны выполнять не одну или две, но многие существенные функции организма. Я допускаю, что смастерят машины из отдельных металлических и пластмассовых частей, способные и летать, и высиживать яйца, и строить гнезда, и петь. Но сущность жизни не сводится ко всему существенному, что мы о ней знаем. И если даже ученые смогут полностью воссоздать жизнь, в ней, как в произведении искусства (хотя картина является созданием рук человека), всегда останется чудо и тайна. Разум ученого и руки рабочего мастерят из изолированных деталей свои теории, чертежи и модели. А организм — это целое, в котором нет изолированных частей. Ученый, став художником, быть может, создаст организм; но тогда он не сможет объяснить, как это сделано, — подобно художнику, не способному объяснить свою картину. Создание органического — подсознательный или сверхсознательный, но, во всяком случае, не вполне сознательный акт.

Виктор. Органические вещества сейчас в тысячах тонн производятся на заводах.

Николай. Это — игра словами. Органическое вещество — это соединение, обычно встречающееся в живых организмах, но не организм.

Виктор. Различие — в степени. Сейчас уже учатся мастерить саморегулирующиеся явления.

Николай. Дело не в саморегулировании! Саморегулирование — существенная черта живого, но не сущность его.

Евгений. В чем же сущность?

Николай. Не знаю. Но в моем примере существенно то, что органическое не поддается разборке. Мысленно вы, конечно, можете проанализировать его, но возможности физического анализа и синтеза (иссечения и прививки кожи, например) очень ограничены и возможны, только опираясь на сохранение основных сил организма в целом.

Евгений. А если в будущем научатся консервировать отдельные части человеческого тела и соединять их снова в любых масштабах? Сказка о ковре-самолете осуществилась, почему неосуществима сказка о Бабе-Яге, спекающей Иванушку из рагу в своей печке?

Николай. Тогда я поищу другой пример. Ведь организм — это тоже только метафора. Если я говорю, что мир — скорее организм, чем машина, то я не имею в виду, что мир — это организм. Я не могу строго высказать, что такое мир, потому что наш язык при точном употреблении годится только для описания машин и схем; а на полноту явления можно только намекать, как это делают поэты. И пока ученые еще не сравнялись с Бабой-Ягой, я сравниваю мир с организмом, некоторые части которого можно отделять и приживлять, но только опираясь на его единство, которое ускользает от анализа и синтеза.

Виктор. Итак, ты утверждал, что существует в действительности лишь целое?

Николай. Да, целое, подобное бесконечному клубку нитей, и отдельные предметы, вещи — только узелки этих нитей, идущих, так сказать, ниоткуда в никуда. Один из этих узелков — ты, я или другой человек; и в нас, мыслящих узелках, вселенная себя сознает.

Виктор. Это довольно похоже на представление о Пути, Дао, из которого все возникает и в котором все исчезает.

Николай. Вероятно, хотя, наверное, есть различия. Но важно вот что: я не думаю, что целое обладает актуальным бытием. Во всяком случае, бытие целого ни в одной форме не может себя полностью проявить.

Евгений. Что же тогда обладает бытием?

Николай. Если ты говоришь о предметах — ничто. Все лишь стремится быть (если сознает себя) или стихийно движется к бытию либо к небытию. Отдельный предмет — иллюзия, он не существует сам по себе, независимо от других; то, что мы называем предметом, — это, говоря словами Рассела, «устойчивая цепь событий», из которых человеческая психика сформу-

лировала Gestalt, образ. Анализ разбивает его, и сознание пытается создать образ сверхпредмета — единое элеатов, субстанция Спинозы, эфир физиков. Но как только мы создали этот сверхпредмет, анализ показывает, что он не лучше других предметов; вне отношения с другим — его нет; чистое бытие, бытие вообще, оказывается ничем.

Виктор. Смотри: Гегель, «Наука логики», часть первая.

Николай. Совершенно верно. Точка зрения элеатов не более верна, чем точка зрения Демокрита; немецкий язык, на котором мы говорим «поставьте меня в центр картины», не более истинен, чем английский, на котором мы скажем «введите меня в обладание всеми фактами» (атомарными фактами, как это философски рафинированно выражают Рассел и Витгенштейн). И колорист, у которого предметы как бы постепенно выявляются из переливов красочных пятен, из пленэра, не обладает привилегией перед рисовальщиком, складывающим целое из частей, каждая из которых представляет самостоятельный предмет.

Евгений. Я не все понял, а то, что понял, уже было сказано: предметов и вещей нет, есть только комплексы ощущений.

Николай. Ни в коем случае! Если я говорю об иллюзорности предмета, то это не значит, что предмету ничего не соответствует в действительности. Гештальт, образ, представление отражают мир примерно так же, как это сделал бы прибор. Здесь перед нами не столько специфические свойства сознания, сколько общие свойства всякого отражения, отношения к другому, связи бытия. Вещность, а следовательно, предметность, — форма, в которой мир движется к бытию.

Евгений. Это непонятно. В чем, кстати, разница между вещью и предметом?

Николай. Предмет, объект — нечто более субъективное, координированное с субъектом. Мы можем сказать: предмет мысли, но не говорим — вещь мысли. Вещь — это то, что мы рассматриваем как предмет. Я утверждаю, что каждая отдельная вещь иллюзорна, потому что она существует только в известной связи. И если мы рассечем все эти связи, то вещь исчезнет, как луковица, с которой сняли, слой за слоем, всю ее плоть. Это не значит, что вещь создана разумом или чувством. Чувство, представление, мысль достраивают вещь на человеческий лад, придавая ей четкий вид предмета или более расплывчатый — явления (в зависимости от того, насколько устойчивой кажется нам созерцаемая вещь). Но в обоих случаях фундамент постройки — вне нас.

Я утверждаю далее, что попытка построить предмет, за которым не стоит никакая отдельная вещь, приводит к понятиям, которые так же схематичны, как понятие атома: субстанция, эфир и так далее. И то и другое — формы, в которых мы как-то называем, опредмечиваем пределы своего знания и потом оперируем с ними так, как если бы неизвестное было известным. Бессмысленно ставить вопрос, что первичнее: атом или субстанция, потому что и то и другое — предметы мысли, за которыми непосредственно не стоит никакая вещь.

Виктор. Для чего же ты так горячо сражался с моим, так сказать, атомизмом?

Николай. Во-первых, потому, что по характеру я предпочитаю элеатов; во-вторых, мне хотелось сдвинуть с места застывшие понятия и показать, что мир, в сущности, неопишуем, что тришкин кафтан — не такое платье, в котором можно с гордо поднятой головой ходить по бульвару, что разум должен научиться скромности и принять верительные грамоты интуиции поэтов и пророков.

Виктор. Иррационализм ни к чему хорошему не ведет.

Николай. И рационализм также. Атомистические четкие представления о предметах иногда полезны, но как философия это ведет к задачам, не более разрешимым, чем перпетуум-мобиле. Если конечные вещи обладают полнотой бытия, то возникает миф о познании, которое бесконечно приближается к своей цели и практически сливается с предметом. Действительный процесс научного познания, переворачивающий привычные теории буквально вверх ногами, всегда оставаясь только созданием схем, моделей, был бы фальсифицирован. Мы приняли бы какую-то схему за действительность или идеал действительности и вколачивали бы ее в жизнь без всякой пощады: авось она сама по себе обрстет мясом. Напротив, понимая иллюзорность конечного...

Евгений. И бесконечного.

Николай. Разумеется, и бесконечного; мы не поклонялись бы словам и сочетаниям слов или условных символов математики, понимая, что истина отражается в них не больше, чем небо в осколках зеркала, и осколок, в котором вчера сияло отражение солнца, сегодня может быть темен, как туча.

Виктор. Это изящно, но неверно. Механика Ньютона не опровергнута теорией относительности, а только ограничена в своих приложениях.

Николай. Разумеется. Мы по-прежнему пользуемся законами Ньютона для решения некоторых задач. Но мы не думаем, что Бог создал вселенную по уравнениям классической механики, как это делали в XVIII веке.

Виктор. Мы вообще не думаем, что Бог создал мир.

Николай. Но схеме конечной вселенной с максимумом скорости, равной 300000 км в секунду мы склонны приписывать достоверность.

Виктор. Во всяком случае, большую достоверность.

Николай. А я думаю, что достоверность всякой научной теории мира примерно одинакова: это попытка объять необъятное — с негодными средствами.

Виктор. Однако предсказания Эйнштейна были подтверждены опытом.

Николай. Да, они позволяют строго последовательно описать большую группу фактов, чем теория Ньютона. В этом смысле наука непрерывно развивается, как и практика. Мы можем, например, сегодня передвигаться быстрее, чем сто или даже десять лет назад. Но мы не стали от этого ближе к истине.

Евгений. Что есть истина?

Николай. Соответствие реальному, тому, что есть, бытию. Но то, что существует вокруг нас и воспринимается нашими пятью чувствами, не обладает полнотой бытия. Бытие того, что существует, нетвердо, как вода. Поверхность лужи, озера или моря одинаково не годится для того, чтобы ходить по ней. И чем больше воды, тем труднее добраться до твердого дна, о которое могут опереться ноги. Ирокезы ходили по луже, а мы плаваем по морю.

Евгений. Ты хочешь сказать, что у ирокезов были более правильные взгляды на мир, чем у современных физиков?

Николай. Да, хотя они не справились бы с фактами, среди которых свободно плавают современный физик; ирокезы потонули бы в них.

Виктор. Ты явно подменяешь истинное психологически удобным и принятым, антропоморфным.

Николай. Зачем? Просто у меня другой критерий истины. Я признаю шестое чувство более достоверным свидетелем, чем первые пять.

Виктор. Это значит — объяснять непонятное с помощью еще более непонятного.

Николай. Что делать? Пять чувств так противоречивы, разбор их свидетельств в процессе, который несколько сот лет вела наука, привел к такой безнадежной путанице, что сами ученые рассматривают теперь свои теории только как рабочие гипотезы, годные как путь к истине. Из мифов ирокезов вытекала их мораль, их образ жизни. Из современных научных теорий вытекает только шизофрения.

Виктор. Современный человек действительно не способен охватить всего огромного богатства, которое создано человеческой культурой. Но это прежде всего относится к полуобразованным людям. Хорошее образование, не углубляясь в детали бесчисленных частных наук, все же может быть достаточно универсальным и дать человеку руководящую нить в мире, в котором мы живем. И чем ближе оно к основам наук, чем дальше от антропоморфизма, тем оно истиннее и в то же время здоровее. Ты не можешь сказать, что Рассел ближе к типу шизофреника, чем Хайдеггер.

Николай. Рассел — мудрый старик, но его мудрость основана на традиционном английском здравом смысле, который он вносит в проблемы теории познания и логики, а не вытекает из его логики и теории познания самих по себе. Рассел — либеральный консерватор, который принимает новое, оставаясь на почве старого. Это специфически английское явление и отчасти явление прошлого века: он ведь очень стар. Но я вовсе не руссоист и не стою за то, чтобы вернуться в вигвам. Я совершенно согласен с тобой, когда ты говоришь о пользе образования. Только я считаю, что образование должно быть основано на этих проблемах, прежде всего готовить к решению этих проблем.

Виктор. Считаешь ли ты ясность мысли и определенность понятий тоже не вредными? В частности, для самого себя?

Николай. Безусловно. И попытаюсь, насколько это возможно, разъяснить мой или, вернее, очень старый парадокс о том, что существующее лишено полноты бытия. Я попытаюсь проанализировать это понятие или по крайней мере показать, как я к нему пришел. Представь себе, что толчком для меня опять было чтение Маркса — «Критики политической экономии».

Виктор. Конечно, «Введения» — о грехах как нормальных детях человечества и так далее?

Николай. Нет, самой «Критики», и совсем не о грехах. Я встретил там примерно такую фразу: разложение всех потребительных стоимостей в стоимости представляет собой такую же объективную абстракцию, как разложение тел при гниении. Слова «объективная абстракция» поразили меня. Я не спал до трех часов ночи, обдумывая их, и, вскакивая с постели, записывал следствия, которые вытекали из этого принципа.

Евгений. Это было тоже в двадцать лет?

Николай. Нет, в двадцать восемь — в 1946 году. Я в это время почти ничего не делал, ожидая демобилизации, и имел достаточно времени для размышления. Но основные идеи пришли ко мне залпом, в несколько часов. Если вы помните, у меня

было представление, которое я в наукообразной форме могу выразить как постулат о тождестве частицы и системы, или, говоря другими словами, о бесконечной дифференциации атомов пространства и времени в системы и бесконечной интеграции систем частиц, вселенных, в атомы высшего порядка.

Виктор. Это связано с тождеством частицы и волны, по де Бройлю?

Николай. Да, мой постулат можно рассматривать как обобщение частных высказываний Шредингера (электрон — волновой пакет) и де Бройля (частица — волна). Первый толчок мне дал Ленин, но я знал о высказываниях физиков из популярных статей Львова в журнале «Новый мир», еще с первой половины тридцатых годов.

Виктор. Солидный источник!

Николай. Не очень; но не все ли равно! Чисто логически я проделал ту же операцию, что Эйнштейн с опытом Майкельсона: парадоксальное состояние объявил нормальным и всеобщим, а не парадоксальные, привычные для здравого смысла, — иллюзорными, феноменальными, приближенно воспринятыми и схематично понятыми. Разница, впрочем, в том, что Эйнштейн имел дело с парадоксальным фактом, который сам по себе не вызывал сомнения и допускал количественное описание. А я обобщил качественные высказывания, не допускавшие количественного описания...

Виктор. И отвергнутые большей частью физиков. Само существование отдельного электрона для современной физики проблематично. Что же говорить о его расчленении! Конечно, хорошо бы представить себе электрон как галактику: тогда волновые свойства его потеряли бы парадоксальность. Но научная теория должна быть основана на фактах, а факты этого не подтверждают. Тебе наплевать на факты. Ты все время рассуждаешь, как в анекдоте: «— Вы слышали, на станции Вязьма бутерброды по пять копеек штука? — Не может быть! — Не может быть, но зато как дешево!»

Николай. Я тебе отвечаю: наши приборы взаимодействуют нормальным образом только с ансамблем элементарных частиц, отдельная частица ускользает от взаимодействия; измеряя, прибор искажает ее так, что нельзя установить сразу и положение частицы, и ее энергетическую характеристику, приходится выбирать что-нибудь одно; все это так; но думал ли ты, почему это так?

Виктор. Не всякое «почему» имеет смысл. Есть ложные проблемы, и это одна из них. Микромир не похож на наш — вот и все.

Николай. А по-моему, это содержательная проблема. Попробуй мысленно представить себе ось, проходящую от галактики к электрону. Не в физическом пространстве — в этом пространстве она будет точкой, но в условном пространстве восприятия.

Евгений. В метафорическом пространстве.

Николай. Да, в пространстве — в кавычках. По мере того, как мы мысленно движемся по этой оси...

Евгений. Самой по себе мысленной.

Николай. Да, по мере движения от своей точки отсчета «вниз», то есть от более крупных систем, сравнимых с системой наших органов восприятия или приборами, к более мелким, мы испытываем то же, что при взгляде вдаль: ближайшие предметы взаимодействуют одновременно со всеми чувствами — осязания, обоняния, слуха, зрения; если взять их в рот, то и вкуса. На поверхности рта прекращается восприятие вкуса; на поверхности кожи — осязания; на сравнительно небольшом расстоянии прекращается запах; звук начинает отставать; остается только зрительное восприятие, но и оно становится все более общим, все больше утрачивает детали, конкретные особенности. Постепенно остается только расплывчатое пятно, которое сливается с другими пятнами. Конкретное всестороннее взаимодействие нашего тела (прибора) с объектом уступает абстрактному одностороннему восприятию пространственной точки. Это — не каприз наших чувств; приборы, поставленные в точке отсчета, могут быть чувствительнее (телескоп, сейсмограф), но в конечном счете результат совпадает.

Виктор. Однако мы сколько угодно можем рассматривать звезду в телескоп, не изменяя ее.

Николай. Но мы не можем испробовать пудинг, не съев его и, таким образом, не уничтожив. По отношению к электрону даже такое тонкое средство, как свет, поток фотонов, так же грубо, как зубы, раскусывающие пудинг. Мы объективно абстрагированы от структуры электрона, не можем ее проанализировать. У нас нет для этого инструментов. С помощью ряда искусственных посредников мы можем «взяться» за электрон, но то, что мельче его, с нами индивидуально не взаимодействует. Оно сливается, как предметы на линии горизонта, в предельную абстракцию бытия — поле, вакуум, пространство. Пространство, с моей точки зрения, не пустота, а абстракция формы взаимодействия с нашим телом отсчета слишком мелких по отношению к нему частиц-систем — вселенных. Ось «большое-малое» рассечена, таким образом, на конечные отрезки, объективно

абстрагированные друг от друга. Двигаться по ней все дальше и дальше, в так называемую дурную бесконечность, нельзя. Дурной бесконечности нет, кроме как в головах математиков. И когда мы приписываем этой головной абстракции действительность, интуиция возмущается.

Евгений. А почему чувство не угадывает ложности представлений о ведьмах? Ведьм тоже нет.

Виктор. Оставаясь последовательным, ты должен ответить, если чувство не угадывает выдуманности ведьм, то они, может быть, существуют. Иначе откажись от представления об интуиции как о высшем критерии.

Николай. Я могу ускользнуть от этой дилеммы, признав известное равноправие обоих критериев: научно-экспериментального и эмоционального. То, что не противоречит эмоциональной интуиции, может быть метафорой. Эта метафора в основе своей не ложна, но, быть может, примитивно истолкована. Ошибка — не в фантазии поэтов, создавших образы фей или ведьм, а в рассуждениях инквизиторов, реализовавших эти метафоры. Инквизиторы, как ты, вероятно, знаешь, были рационалистами в не меньшей мере, чем современные юристы. С мистикой и поэзией у них нет ничего общего.

Виктор. Допустим. Но остается еще один вопрос, ближе к делу: что происходит при движении от твоего тела отсчета к «очень большому»? Где конечная станция на этом пути? И как обстоит дело со временем?

Николай. Движение «вверх» означало бы выход за пределы эйнштейновского континуума пространства-времени. А у нас нет оснований не верить Эйнштейну, что это невозможно.

Виктор. Сейчас ты заговорил о пространстве-времени, а «внизу» видишь только пространство. Если ты признаешь законность моего «почему», то почему это так?

Николай. Время я склонен был помещать «наверху» и мыслить себе как форму взаимодействия с нашим континуумом исчезающе больших систем. Но, возможно, мне следовало все время говорить, вслед за Минковским, о едином пространстве-времени. Я недостаточно чувствую эти абстракции. Могу только сказать, что в условном одномерном пространстве «от большого к малому» все три оси координат геометрического пространства представляются мне точкой. В начале отсчета Эвклидовы оси перпендикулярны, но на эйнштейновской сфере сливаются. Там и находится конечная станция по дороге вверх, поэтому «вверх», «вниз» и «вбок» — равнозначные направления. Таким образом, и линейность оказывается иллюзией. Разработать эти представления

математически строго я лично не могу, не умею; но возможно, что человек с хорошим математическим образованием, заразившись моими идеями, справился бы с этой задачей. В качестве первой попытки могу предложить постулат: эйнштейновская сфера — общее место перпендикуляров, проведенных из любой точки внутри сферы... Словом, мне мерещится, что движение «вверх» и «вниз» в какой-то новой, смелой абстракции — это иллюзия, весь наш континуум пространства-времени может быть сведен к одной точке, математической точке, то есть что его, в известном смысле, нет, как и всякого другого, впрочем.

Виктор. Эту точечность мира я позволил бы себе, по аналогии с дурной бесконечностью, назвать дурной точечностью.

Николай. Если хочешь. Это, конечно, абстракция математического типа, чисто количественная, а все такие абстракции, с интуитивно-эмоциональной точки зрения, дурны. Но что-то жизненное за этой абстракцией можно увидеть. Переходя на другой, математический язык, я сказал бы, что для миров иных мы так же не существуем, как они не существуют для нас. Но, обладая интуицией, мы можем предчувствовать бесконечные возможности миров иных, которые в нашем мире не осуществились, и пытаться осуществить их — в себе и в жизни. В этом смысле я понимаю Достоевского: «Человек жив только таинственным прикосновением к мирам иным». Человек задохнулся бы в качественно ограниченном мире.

Виктор. Человек, как мы знаем, не задыхается даже в тюрьме. Человек, как сказал тот же Достоевский, — животное, которое ко всему привыкает.

Николай. Это так же верно, как то, что человек смертен. Привычка — духовная смерть. Радхакришнан в «Восстановлении веры» написал: «Часто спрашивают, может ли душа жить после смерти тела. Как бы ни ответить на этот вопрос, ясно одно, что часто душа уже мертва тогда, когда тело еще живо». Жизнь души — это стремление к полноте бытия, к качественной бесконечности, которая в воображении всегда больше осуществима, чем в действительности, и в произведении искусства — больше, чем в практической жизни.

Виктор. Воображение, конечно, в какой-то мере необходимо и полезно...

Николай. Я думаю как раз наоборот: практическая жизнь полезна и необходима, поскольку она питает жизнь души. А если она перестает питать жизнь души, люди кончают с собой или перестают быть людьми. Корни души — в теле, в обществе и в пространстве-времени, поэтому надо заботиться о теле, об

обществе и, если бы пространство-время в нас нуждалось, о нем. Но ветви души, пока она живет, уходят в небо, с которого льется свет абсолютного бытия. А ветви, как ты знаешь, — с листьями на ветвях — нужнее корней. Может быть лист без корня, например водоросль, но нет живого корня без листьев. Только мертвый пенёк. И нет ничего в подлунном мире, что больше, интенсивнее, полнее было бы, чем человеческая душа.

*Есть что-то позорное в мощи природы,
Немая вражда к лучам красоты.
Над миром скал проносятся годы,
Но вечен только мир мечты.*

В. Брюсов

Я изменил бы в первом стихе слово «позорное» на «иллюзорное», но этого не позволяет размер. Нет никакого позора быть скалой или деревом. Позорно только, родившись человеком, стать чиновником и быть мертвее камня.

Виктор. Вернемся к нашим баранам. Оставим обывателей в покое. Ты высказал тезис, что бытие — это качественная бесконечность, конкретность; небытие, по-видимому, абстракция?

Николай. Не совсем. Нет ни полного бытия, ни полного небытия. Абстракция — тот предел небытия, который может быть достигнут.

Виктор. Допустим, что это так. Как быть со способностью к абстрактному мышлению, которая отличает человека от животных?

Николай. Человеческое сознание оперирует призраками абстракций, чтобы преодолеть власть объективных абстракций. Живую воду похищают в царстве смерти.

Евгений. Это «изячная» фраза, которая моему уму ничего не говорит. Вернитесь к словам, которые имеют смысл не только в сказке.

Николай. Я постараюсь это сделать. Отношения, которые выявились при рассмотрении мысленной оси «большое-малое», были отношениями относительной объективной абстракции. В этом аспекте тело отсчета всегда обладает максимумом конкретности, максимумом полноты бытия. Что бы это ни было: планета, роза, баран и так далее, от свойств тела отсчета мы отвлеклись. Теперь поступим иначе: отвлечемся от пространственно-временных отношений, от связей предметов между собой. Поставим все предметы рядом и сравним их структуру. Сохраним предположение, что каждый предмет — узелок, что

отдельная «нить» (связь частиц) неощутима, не индивидуализируется в восприятии (человека или прибора), а самый простой узел — это элементарная частица, и узел — это переход от почти-небытия «нити» (если хочешь, от «бытия в себе», абстракции) к конкретному бытию индивидуума. Введем понятие полноты бытия и определим его как осуществление всех возможностей структуры, то есть не только хаотического нагромождения «нитей», но осуществление возможных композиций из «узелков» первого порядка в «узлы» второго, третьего порядка и так далее. С этой точки зрения можно говорить об абсолютной объективной абстракции и конкретности. Бытие солнца абстрактно и неполно. Это большая, но неразвитая структура из маленьких, но также неразвитых структур. Нагромождение не дает конкретности, полноты бытия. Кристалл — уже более полное бытие, хотя в пространстве и времени он может быть очень невелик и недолог. Цветок, увядающий через несколько часов, более полон бытия, чем кристалл, существующий миллионы лет. Бытие человека полнее, чем практическое бытие двуногого животного, производящего средства производства.

Виктор. Однако достаточно приблизить аристократа природы, человека, к плебейскому солнцу — и мокрого места не останется. И если солнце мыслило бы, оно, вероятно, за миллиарды лет своего существования даже не заметило бы утонченных натур, развившихся на поверхности одной из его маленьких планет.

Николай. Не говори. Человечество только начинает завоевывать космос. При нынешнем темпе развития техники вполне возможно, что Юпитер будет взорван, подбуксирован в сравнительно освещенную зону между Марсом и Венерой и здесь организован в несколько планет, удобных для человеческой жизни. Атмосфера Марса и Венеры еще раньше будет реконструирована с помощью каких-нибудь бактерий; на Луне, при незначительном притяжении, будут устраиваться танцы, а со временем там вырастет изящная раса, сравнительно с которой мы будем выглядеть бегемотами. Меня не удивила бы даже мысль об управлении движением галактики.

Евгений. Не знаю, как насчет Юпитера, но Землю мы, возможно, взорвем. И тогда солнышко нас заметит. Разум, так сказать, восторжествует над косной материей.

Николай. Как практически пойдут дела, я не знаю.

Виктор. Какое это имеет значение с точки зрения вечности?

Николай. С точки зрения вечности — никакого. Но я вовсе не стою на ней, во всяком случае, в таком смысле, как вы думаете. Я пытаюсь развенчать придуманную бесконечность

пространства и времени. Я знаю не хуже вас, что пространственно-временные отношения выставляют человека и всю его культуру чем-то вроде плесени на одной из маленьких планет. Я знаю, что совершенно вырваться из клетки пространства-времени мы не можем, даже если научимся свободно двигаться и хозяйничать в ней, выйдем из той клетки в клетке, которая ограничивает нас сейчас. Но это означает только, что пространственно-временные отношения в целом абстрактны, ограничены, отражают подлинное бытие не больше, чем тени на стене Платоновой пещеры. Только в напряженной душевной жизни человек прикасается к бытию, которого нигде нет, но к которому стремится все существующее. Только человек — и никто, кроме него. Только одухотворенное есть, только сфера духа, вырастающая в человеческой душе, — это область, в которой природа вырывается из своего унылого однообразия абстрактных отношений к бесконечному богатству качеств, к бесконечной полноте структур. Можно сказать, что природа — это рассеченный, разбросанный отдельными чертами человек, а человек — это сжатая в кулак природа, это Бог-Сын, который в земном существовании представляет собой образ и подобие Бога-Отца (если вы позволите мне воспользоваться этими выразительными метафорами).

Виктор. Помилуй, галактики складываются из атомов, не дошедших сплошь и рядом даже до связи с молекулой. Очаги усложнения, «космоса», «порядка из порядка» — до кристаллов, до жизни, до человека — это всего-навсего флюктуации царства элементарных форм. Эти флюктуации естественны — ни одна тенденция в природе не осуществляется без исключений...

Николай. Хаос не был бы хаосом, если бы его хаотичность не знала исключений: тогда это был бы порядок..

Виктор. Но ты возводишь исключение в правило! Как ни привлекателен, ни богат красками оазис, но он не показывает нам лица пустыни!

Николай. Тебе это кажется потому, что ты ставишь знак равенства между существованием оазиса и пустыни, не замечаешь разницы в интенсивности бытия. Ты сопоставляешь не бытие с бытием, а равновеликие клетки в пространственно-временной сетке. Человек выражает собой вселенную — так же как Лев Толстой выразил дух русского народа, хотя остальные 99999999 мужиков, помещиков, чиновников, купцов не были Львами Толстыми. («Парафраз Гейне: «...остальные 29 999 999 немцев пороку не выдумали») По интенсивности, полноте, мно-

гообразию бытия. Только непосредственно многообразное дает представление о бесконечном, если, конечно, не сводить его к одной количественной абстрактной бесконечности, а понять как бесконечность качеств. Вред всех физических моделей мира в том, что вне специальных рамок физики, во всеобщей связи, они ложны, качественно оконечивая картину мира. Либо бесконечность, вселенную не следует себе никак представлять, либо представлять в качественном бесконечном человеческом образе, как его рисует искусство.

Виктор. Например, в виде «Дамы с веером» Пикассо.

Николай. Я имею в виду религиозное искусство, каким бы оно ни было по своим приемам, — искусство, которое стремится выразить максимум напряжения душевных сил, порыв к Абсолюту. Я понимаю, что образы искусства метафоричны, но лучших нет. Качественно конечные модели еще дальше от действительности.

Только поэтическое знание — это полноценное знание, мудрость. Только оно ведет к моральным выводам. Физическая картина мира не дает стимула к жизни, не дает меры добра и зла. Это — абстрактная модель, созданная абстрактной наукой для ее абстрактных нужд. Она может руководить только действиями инженера. Но что строить? Как? И, главное, для чего? Поэтическое знание восстанавливает «незыблемую скалу» ценностей — самую важную координату бытия, которую мы потеряли, увлекшись сетками трех— и многомерных пространств. Для поэтического знания ясно, что душа есть, и больше есть, чем тело, хотя она есть только в живом теле и умирает вместе с ним. Но она больше тела, она может быть бесконечно велика и может пожертвовать своей локализацией в пространстве и времени во имя высших потребностей духа, для которых все земное — не этот дым, скользящий в вышине, но тень, бегущая от дыма.

Виктор. Я люблю, как инерция заводит мысль к отрицанию ее посылок. Ты обещал дать стимул жизни — и даешь стимул смерти.

Николай. Нет! Человек не может быть самим собой без решимости к жертве, но это не значит, что он должен стремиться к гибели. Полнота человеческого бытия — это полнота возможностей, сил. Только в искусстве они могут быть выражены, не исключая друг друга. В практической жизни выбор ограничен. Жизнь дается один раз — и ее приходится беречь, не делать ее ставкой в первой попавшейся игре. Но в какой-то игре приходится ставить ва-банк. Бессмертие тела не может быть выбрано — его нет в пространстве и времени. Человек может толь-

ко выбрать, ради чего и как он умрет, и твердо идти по дороге, которая ведет его к костру или к кончине

*посреди детей,
Плаксивых баб и лекарей.*

Презирать экстенсивность жизни в пространстве и времени — не значит презирать интенсивность жизни. Напротив. Премудрый пескарь не может быть эталоном бытия.

Виктор. Словом:

*Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья —
Бессмертья, может быть, залог!*

А.Пушкин

Надо идти навстречу смерти, чтобы полнее жить. Не знаю, мудро ли это. Спиноза говорил, что мудрый думает о жизни. Во всяком случае, твоя философия как-то неуютна.

Николай. Уютно живет страус, засунув голову в песок. И больше всего ценят уют мещане.

Виктор. А заглядывают в бездны и испытывают звездный ужас — психопаты. Ты сам назвал одно из произведений, вдохновивших тебя, «Записки сумасшедшего». Не приходил ли к тебе в минуты твоих озарений «черный монах»?

Николай. Я думаю, что «черный монах» — не такой уж плохой гость. Он приходил даже к ясному, далекому от всякой мистики Чехову. А Гофману «черный монах», вероятно, продиктовал большую часть его рассказов. Я думаю, что не надо бояться «черного монаха». В безумии есть своя мудрость. Назовем ее мудростью вдохновения.

Виктор. То есть гений — это безумие?

Николай. Нет. Гамлет должен иногда беседовать с призраком. Нельзя оставить человеку только день и отнять ночь с ее «страхами и мглами». Между безумием клинического сумасшествия и рассудительностью мещанина есть ничейная зона, в которой и создается культура. Эта зона иногда шире, и можно долго не выходить из нее. Тогда говорят о здоровой культуре античности, Возрождения. А иногда эта зона узка, как лезвие ножа. И Гёте оступается в мещанство, Ван-Гог — в безумие. Не знаю, что хуже. Но несколько шагов в ту или другую сторону можно сделать, не скатываясь вниз.

Виктор. Можно, но нужно ли?

Николай. Впечатление звездного ужаса — может быть, сильнейший толчок от рыбьего существования к бытию. Я мог бы определить человека как существо, способное испытывать и преодолевать звездный ужас. Вся человеческая культура — попытка преодолеть звездный ужас.

Евгений. А куда девалась потребность есть, пить и одеваться?

Николай. В ней нет нечего специфически человеческого (кроме одежды; но некоторые человеческие племена не одеваются). Создавая культуру, человек попутно не может не заботиться о том, чтобы есть и пить, и формы удовлетворения этой потребности связаны с формами культуры. И все-таки культура начинается там, где потребность есть и пить перестает быть первичным, и кончается, когда эта потребность торжествует. Это — первое. И второе, не менее важное: человек не может удовлетворить потребность есть и пить, разрушая культуру. Общество невозможно без культуры, без святынь, идеалов, ценностей. Не единым хлебом сыт человек. И если не насыщен духовный голод, нет пользы в млеке и меде. Их разольют и растопчут.

Виктор. Это надо доказать.

Николай. Разве это не доказано? Или тебе нужен решающий эксперимент — термоядерная война? Я надеюсь, что люди поверят в то, во что я верю, без доказательств.

Евгений. Я все время думаю, как определить ваш образ мысли; это не наука и не поэзия тоже...

Николай. Я уже сказал: это — попытка переживать абстракции и, таким образом, освободиться от них.

1953-1959

Примечание

¹Гурджиев Георгий Иванович (1877—1949) — создатель школы мистического опыта.